

Василий Никитич Татищев

История Российская. Часть

5

Василий Никитич Татищев

История Российская. Часть 5

Серия «История Российская», книга 5

текст предоставлен О.Колесниковым (адаптация с позднеславянского)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159133

Василий Татищев История российская. В трех томах.: АСТ; Москва;

2003

ISBN 5-17-018268-6, 5-17-013378-2

Аннотация

«1613 марта 14 числа иночица Марфа Ивановна, дочь князя Ивана Туренина, бывшая супруга Федора Никитича Романова, который от царя Бориса пострижен, от Расстриги в Ростов митрополитом поставлен, от бояр послом к королю польскому послан и там в неволе содержался, и их сын Михаил Федорович, рожденный в 1596 году, бывши тогда 17 лет, с матерью своей на Костроме в Ипатском монастыре, после долгого к присланным из Москвы архиерею и боярину с товарищами отрицания, не могли более оных послов и всего народа просьбы и слезы презреть, соизволили на их предложение склониться и престол российский воспринять...»

«История Российская» Татищева – один из самых значительных трудов за всю историю существования российской историографии. Монументальна, блестяще и доступно написанная, эта книга охватывает историю нашей

страны с древнейших времен – и вплоть до царствования Федора Михайловича Романова. Особая же ценность произведения Татищева в том, что история России здесь представлена **ВО ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ** – в аспектах не только военно-политических, но – религиозных, культурных и бытовых!

Содержание

ЧАСТЬ ПЯТАЯ	5
ЦАРСТВО ЦАРЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА	6
ЦАРСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА	9
О ВОЙНАХ ВНУТРЕННИХ	15
ДЕЛА ШВЕДСКИЕ	17
ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА	19
ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА	20
1614	21
ВНУТРЕННИЕ ВОЙНЫ	22
ДЕЛА С ПОЛЯКАМИ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

В.Н. Татищев. История Российская

© Адаптация с позднеславянского – О.
Колесников (2000–2002)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ДЕЛА, ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАСАЮЩИЕСЯ,

**которые в книгах русских не сполна описаны или
весьма оставлены, а находятся только в различных
чужестранных книгах или в памяти от видения и слы-
шания людей сохраняются, для памяти собраны и
другим в лучшее рассмотрение к сочинению русской
истории представляются**

ЦАРСТВО ЦАРЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

Сего государя дел порядочно всех описанных на русском языке не имеем, и хотя от новгородцев, псковичей и других некоторые многие дела в память оставлены, также и Курбский как в своих письмах, так и особенно в делах оногo государя многое показывает, однако ж все так пристрастно и темно, что едва истину видеть и разуметь можно. Между чужестранными все те, с которыми он воевал, как то: поляки, лифляндцы и шведы, по чрезмерному пристрастию в поношение и оскорбление величества все, что злое могли выдумать об нем, написали, а добрые его дела пропустили. И оным германцы, не рассудив, наиболее последовали, более такими лжами и клеветами достохвальные дела сего государя в сущую темноту привели. Однако ж англичане, голландцы, а особенно те, которые сами тогда в России были, дела сего государя видя и причины настоящие ведая, весьма с похвалою жизнь его описали, из-за чего некоторые начали лучшее о нем мнение иметь, как то один в Вене в 1700-м году одну диссертацию в защищение сего великого государя на латинском языке напечатал. А также в прошедшем 1722 году напечатана книга на германском языке, именуемая «Введение в историю московскую». В котором хотя начало

положено от восьмого века после Христа, однако ж все темно, но обстоятельнее автор начал писать от великого князя Иоанна Васильевича и кончил в царстве царя Михаила Федоровича. В котором как всех прочих, так и сего государя дела автор весьма изрядно описывает и великий свет истории нашей подает, к чему он более 100 тогдашних времен историков приводит. Мы же по обстоятельствам дел видим, что сей государь к распространению своего государства, к приобретению славы и богатства великую ревность и прилежание имел, как то видимо из его мужественных лифлянской, татарской и польской войн и его по тогдашним обстоятельствам изрядных учреждений экономических.

Видимо нам, что до царства его величества письменных законов по меньшей мере в собрании не было, как издревле и во всех государствах, судили ж по примерам и по совести на словах и большие ссоры поединками решили. В чем его величество видя многие беспорядки, по совету всех знатных людей Судебник, или Уложение, сочинил, которое состояло из 99 статей. В оном поединки хотя не запрещены, но в делах таких только, где доказательств истинны не доставало, допущены и порядки, как в том поступать, описаны. Крестьяне хотя были вольные и жили где кто и как долго хотел, но он положил переходу их время и порядок, чтобы владетель земли заранее о переходе крестьянина ведал.

Подати хотя издавна с луков или возможных работать поголовные положены были, но он для лучшего порядка, ду-

маю, по лифлянскому примеру с земли положил.

В делах судных некоторые статьи хотя при сочинении Уложения несколько переменены, однако ж ныне на оное снова склонено, некоторые статьи в новом Уложении остались точно не описаны и ссылаются на оное.

ЦАРСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

1613 марта 14 числа иночица Марфа Ивановна, дочь князя Ивана Туренина, бывшая супруга Федора Никитича Романова, который от царя Бориса пострижен, от Расстриги в Ростов митрополитом поставлен, от бояр послом к королю польскому послан и там в неволе содержался, и их сын Михаил Федорович, рожденный в 1596 году, бывши тогда 17 лет, с матерью своей на Костроме в Ипатском монастыре, после долгого к присланным из Москвы архиерею и боярину с товарищами отрицания, не могли более оных послов и всего народа просьбы и слезы презреть, соизволили на их предложение склониться и престол российский воспринять. Однако ж оная иночица, взяв сына своего, привела в церковь Живоначальной Троицы к святому алтарю и, поставив его у образа пресвятой Богородицы, нарицаемой Федоровской, оборотясь к предстоящим послам и народу, с превеликими слезами сказала им: «Се сын мой, которого вы от меня так прилежно просите, с великою клятвою верно ему служить, его любить и оберегать от всех неприятелей обещаетесь. Я, не желая воли Божией и вашему всего собора и народа желанию противиться, отдаю его всемогущему Богу и пречистой Богоматери в защищение, которое вы возьмите на ваши души.

И ежели вы, забыв страх Божий и свою тяжкую клятву, какое зло с ним учините и неправедно поступите, то всевышний Бог и его мать будут вам судья и мститель той неправды» и пр. И сие сказав, облобызав его и дав благословение, словно на смерть отпуская, с великим рыданием отступила. Народ же, видя оное, с великим рыданием плакал. Тогда архиепископ, подступив, возложил на государя привезенный из Москвы крест Господень со златою цепью, а боярин подал серебряный царский жезл. И возрадовавшись, все поздравляли его на царстве, а потом, не исходя из церкви, по предписанной грамоте всенародно ему крест целовали. И того ж дня с подписанными грамотами послали в Москву окольного. А поскольку та от народа утвержденная грамота заключает в себе кратко предшествовавшую историю, того ради оную точно здесь полагаю. (Вписать).

В Москве, получив оные грамоты, сердечно обрадовались и все без всякого отрицания крест целовать хотели. Однако ж палатные люди, опасаясь, чтоб кто не усомнился тем, что королевичам польскому и шведскому прежде присягали, написав все обстоятельства, для чего оных отрешают, а сего как истинного государя приемлют, просили митрополитов и всех духовных властей, чтоб властью, данною им от Бога, от той клятвы их разрешили и полное прощение и забвение утвердили. Которое все духовные, сочинив, руками всех присутствующих утвердили и потом в верности государю и его законным наследникам крест целовали. А по горо-

дам послали списки краткие, по которым также везде со всякою радостью без наималейшего прекословия последовали и дары государю, как на разоренное место, каждый город по своей возможности присылали; между которыми псковичи и нижегородцы наиболее всех себя показать потщились. Только вор казанский дьяк Никанор Шульгин, не желая государю креста целовать, а желая сам Казанью завладеть, быв тогда с войском в Арзамасе, тем отговорился, что якобы ему о том выборе прежде объявлено не было. А он, имея грамоту о выборе, тогда утаил и войску присягать без воли всех казанцев воспрещал. Но видя, что войско, не послушав его, присягали, собрался с единомышленниками малого числа людьми и побежал к Казани. Казанцы же, получив грамоту, прежде его присягали и, слыша, что Шульгин к ним бежит, послали навстречу, чтоб его поймать. И посланцы, поймав в Свияжске, отвезли в Москву, а из Москвы сослали его в Сибирь в заточение, и там оный вор умер. Также в Новгороде и других шведы сидели, а в Смоленске, Вязьме, и прочих поляки русским против желания их креста целовать не допустили.

Государь, управившись на Костроме и получив из Москвы известие, что подводы по дороге, а также в Москве все потребное к пришествию его готово, немедля поднявшись, с матерью своею и послами пошел к Москве. В Ярославле встретили его величество ярославцы, вологжане и других поморских городов со многими дарами.

Тут государь пребыв два дни, писал в Москву к боярам,

чтоб на вора Заруцкого послали войско и оному еще не угасшему углю в великий пламень разгореться не допустили. По которому бояре немедленно послали с войсками боярина кн. Ивана Никитича Одоевского да с ним воевод: из Суздаля кн. Романа Пожарского, из Тулы кн. Григория Тюфякина, из Владимира Ивана Измайлова, с Рязани Мирона Вельяминова.

В Ростове и Переславле государя также встречали разных городов присланные, а у Троицы власти со святыми иконы, а также из Владимира, Суздаля, Дмитрова, Кашина и других городов присланные. Где государь, отпев молебен и ночевав, пошел в село Братовщину. Тут его ожидающие присланные из Москвы Кирилл, митрополит ростовский, боярин князь Иван Михайлович Воротынский с товарищами встретили.

Апреля 18 пришел государь к Москве, и за городом встретили архиепископы суздальский и грек галасунский с боярами и всем народом. На лобном месте дожидались государя все духовные власти со крестами и синклит. И государь, войдя в Кремль, зашел в соборную Успенскую церковь; и, отдав Господу Богу благодарение, пошел в царский дом, мать же его, иночица Марфа Ивановна, в Вознесенский монастырь. И тогда в Москве была неизреченная радость, чрез что все прежние свои беды и разорения запаматовали. И после сего, не продолжая времени, его величество коронован от казанского митрополита Ефрема с прочими властями. А в чи-

нах были: корону нес и золотые бросал кн. Федор Иванович Мстиславский, скипетр – кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, шапку великих князей – Иван Никитич Романов, державу – Василий Петрович Морозов, для платья ходил в Казенную кн. Дмитрий Михайлович Пожарский да казначей Никифор Траханиотов, а в Золотой палате принял у него Василий Петрович Морозов, державу же взял кн. Пожарский. И потом у государя столы были в течение трех дней.

После обретении государя бояре от себя отправили в Польшу к Речи Посполитой коширянина Денисья Оладьина с грамотою объявительною о выборе государя, прося их, чтоб всю прежнюю вражду пресечь, а неправильные королевские требования отставить и для того б съехаться с обеим сторонам послам. И хотя поляки в грамоте к боярам их к тому склонность изъявили, однако ж король и его советники оного слышать не хотели. Государь же по возвращении оного Оладьина пожаловал своею вотчиною. А также государь послал от себя к цесарю и другим государям послов со объявлением своего вступления и учиненных от короны польской и шведской неправых обид, а именно к цесарю ..., к королям английскому и французскому Ивана Гавриловича Кондырева да Михаила Неверова, а также к королю датскому и в Голландию, прося их, чтоб посредством их те войны прекратить и неправильно взятое от Российского государства возвратить. В Швецию послан был ..., но король шведский, видя бессилие Русского государства, представлял мно-

гие неправедные вымыслы в причину, по которым он Новгород и другие побрал и отдать оных без войны не хотел.

О ВОЙНАХ ВНУТРЕННИХ

Боярин Одоевский, пойдя с войсками и собравшись на Рязани, пошел на Заруцкого, который тогда шел к Воронежу. И сшедшись с ним при Воронеже, бились жестоко долгое время; а поскольку Заруцкий имел людей больше и стоял на высоком месте, из-за того бояре его сбить не могли, и по великом с обеих сторон уроне бояре отступили недалеко. А Заруцкий, взяв Воронеж, людей побил и город сжег, хотел идти снова на бояр. Но уведали в войске его, что государя избрали, многие казаки, от него отъехав, приехали к боярам с повинною, из-за чего Заруцкий с остальными чрез степь побежал к Астрахани. Потом, еще отстав от него, казаки пришли в Москву, и государь их пожаловал, послал с воеводами под Смоленск; а в Астрахань послал наскоро воевод князя Ивана Никитича Одоевского да Семена Васильевича Головина, и они зимовали в Казани. А Заруцкий, придя в Астрахань, по согласию с такими же ворами воеводу князя Ивана Дмитриевича Хворостина убил. Прежде избрания государя на царство, во время обложения Москвы, при Астрахани нагайский хан Ищерек, слыша многое в Руси нестроение и как от поляков, так и от воров разорение, собрался со всею ордою, пошел на Русь. И придя, в Коломенском, Каширском, Серпуховском, Боровском и других за вора стоящих уездах по самую Москву великое разорение делал. Но как только

уведал, что государя обрели русского, тотчас прислал от себя с повинною, извиняясь, что он воевал на изменников Русского государства, и просил, чтоб государь ему того в вину не поставил, а принял его как верного подданного по-прежнему в свое защищение. И хотя б сие ко извинению не довольно, потому что он, ведая бояр под Москвою в собрании, не только к ним в помочь не пришел, но их во многом утеснял и запасов не пропускал, однако ж, взирая на тогдашние обстоятельства, государь милостиво оных послов принял и, одарив их, послал грамоту к нему с похвалою его к государству услуги, повелев ему, отпустив пленников, идти в свои улусы. Которую он получив, немедленно повеленное исполнил.

ДЕЛА ШВЕДСКИЕ

Шведский генерал Делагарди в Новгороде, уздав, что государя выбирают, стал монастыри и церкви грабить и разорять. И тогда с 70 монастырей разорил и под видом якобы в заклад за незаплату положенных от него несносных податей пушки медные, колокола и прочие градские и церковные сокровища, а также иконы из-за окладов богатых и священные сосуды, собрав, высылал тайно в Швецию. И ведая, что уже государь избран, принудил новгородцев противные всякому рассуждению в пользу королевича, велел им подписаться и послал в Швецию, написав к королю, чтоб немедленно шел сам или брата своего прислал и Великую Россию, а также и Поморье, Каргополь и Колмогород отобрал, представляя к тому великие удобства. Но поскольку король имел тогда еще с датским королем войну не оконченную, писал к Делагарди, чтоб он как можно старался еще новгородцев укрепить, а королевича обещал вскоре отпустить.

Государь же, идучи к Москве с Костромы, рассудив с боярами, чтоб шведам хотя бы более распространяться не допустить, из Ерославля послал на Тихвину князя Семена Васильевича Прозоровского да Леонтия Вельяминова. И оные без великого сопротивления взяли, и сидящих там шведов отпустили, и, укрепив город, сами отступили. Сего же году король шведский января 29-го учинил мир, чтобы ему сво-

боднее Российское государство воевать.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА

Вскоре по коронации государь, видя, что с поляками без войны не пробыть, послал немедленно с войсками князя Дмитрия Матрюковича Черкасского и князя Ивана Федоровича Троекурова с полками, которые пошли к Вязьме. И в Вязьме, уздав о войсках, государю крест целовали, и бояр встретили. То ж учинили и дорогобужане. И бояре, оставив в Вязьме воеводу Стефана Лазаревича Татищева, пошли к Белой, где тогда сидели поляки и шведы. И хотя поляки крепко сидеть намеривались, но шведы после некоторых вылазок и боев, вытерпев несколько приступов, видя свою немочь, против воли поляков отдали город с договором. И бояре шведов по договору отпустили, а поляков, поскольку противились, побили, малое же число в полон взяли. Поставив тут воевод Матвея Плещеева да Григория Загряжского, пошли к Смоленску и, оный осадив, многие польские места, посылая, разоряли, деревни жгли, людей побивали и в полон брали.

ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Сей год государь ни о чем более, как о добром порядке и устроении в государстве прилежал, многие законы для правосудия сочинил, ища, чтоб между всеми была любовь, а вражду, насколько можно, пресекал. Видя же, что многие на вотчины свои крепостей лишились и другие без всяких дач по крепостям и без крепостей побитых вотчины захватили, а также чтоб знать, в каком которая деревня состоянии и какие подати платить может, послали во все города приправщиков, велели в деревнях людей и земли описать, кто по чему чем владеет. В прочем же искал всех себе более милостию и своими благочестными поступками, нежели гневом и наказаниями, приклать [привлекать?] и в верности содержать и из-за того каждодневно ходил сам в советы и всех, просящих о нуждах, к себе допускал без задержания.

1614

Прибыли к государю английский, датский и голландский посланники с поздравлением, обещая прежнюю дружбу ненарушимо содержать. Также из Персии и от турок, получив известие, прислали по обычаю их с великими дарами, а особенно персидский посол привез дары, состоящие в золотой и серебряной посуде, парчах и других великих богатствах.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙНЫ

На Терках воевода Петр Васильев сын Головин, уедавав о приходе Заруцкого в Астрахань, собрав людей, сколько можно было, пошел к Астрахани; и по приходе его астраханцы многие, выйдя, к нему пристали. Заруцкий же, видя себе безнадешность, наделся яицких казаков к себе склонить, ушел с Мариною и малым числом казаков на Яик, Одоевский же, уедавав сие, пошел наскоро в Астрахань и, придя, остальных воров в Астрахани, переловив, в тюрьмы посадил, а на Яик послал Головина с некоторым войском, который, придя, застал его в немалом войске на острове. И по немалом бою с помощью яицких казаков Заруцкого и Марину, Расстригину жену, с сыном, а также и прочих воров, взяв с великим богатством, послали в Москву; которые же тогда противились, тех всех порубили. И по привозе в Москву Заруцкого посадили на кол. Маринина сына и Федьку Андронникова с прочими начальниками повесили, а Марина, сидя в заключении, от нетерпеливой презельной печали, презрев всякое ей довольство и обещанную от государя милость, умерла внезапно. И таким образом сия мужественная и властолюбивая жена, ища более, нежели ей надлежало, и более затевая, нежели женские свойства снести могут, с великим несчастием, как то обычай всем сему подобным властолюбителям, жизнь и славу свою с бесчестием окончила. Что же мужа ее послед-

него касается, которого Урусов в Калуге убил, кто он подлинно был и как его звали, о том в русских историях ничего, а в чужестранных различно находится. Здесь же и о сыне Маринином сомнение есть, ибо чужестранные называют его Димитрием, русские называли в Калуге Иваном царевичем, иные же думают, что вовсе не ее сын был, о чем польские историки утверждают. Здесь же называет его Степенная книга Федором Андронниковым, а другие Федора одного называют товарищем Заруцкого, атаманом казачьим. Да и быть, видится, невозможно, чтоб одного Маринина сына трех лет повесили, и потому весьма видно, что Федор Андронов не сын Маринин.

Тогда же казак, Боловня именуемой, собравшись со многими ворами: казаки, холопы боярские и великие беглецы, около Волги, Кашинский, Романовский, Углицкий, Пешехонский, Бежецкий разбойнически разоряли и прошли к Белоозеру и в Новгородский уезд, потом в Каргополь, на Вологду и Вагу и другие многие уезды; другие же украинные города, около Новгородка и пр., множество людей различными мучениями и ругательствами умерщвляли, дома грабили и жгли, что и описывать из-за скверности неприлично, и таким их воровством многие места запустошили. И из-за того послал государь в Ярославль боярина князя Бориса Михайловича Лыкова с товарищами с немалым войском и многих властей духовных их уговаривать. Которые, ездя к тем ворам по разным местам, с великим прилежанием представляя им

меч царский и суд Божий за такие крайние дерзости, иногда же обещая им милость государеву, склонить трудились, но ничего учинить не могли. С Украины же придя, черкасы с русскими ворами около Нижнего разоряли, и боярин Лыков, опасаясь, чтоб сии не совокупились, пойдя на них с поспешностью, встретив в Болоховском уезде в Васильеве слободе, всех побил и в реке потопил, и лишь самая малая часть спаслась бегом. Потом снова возвратился к Ерославию и, слыша, что казаки духовных увещания не слушают, пошел вверх по Волге на них. Они же, слыша о приходе Лыкова и победе над черкасами и ворами, собравшись, пошли к Москве бить челом государю, чтоб вину их отпустил, а велел бы им то отслужить против неприятелей государственных. И придя, стали у Симонова, а Лыков, придя за ними, стал у Дрогомилова, опасаясь, чтоб их к Польше не пропустить. И хотя государь им по желанию милость оказал и велел им с Лыковым идти к Смоленску, но они не только около Москвы стали разбивать, но в Москве стали людей на злое возмущать. За что государь, переловив, начальников их по розыску и обличению велел перевешать, а Лыков, зайдя с войском к обозу их, где совсем к бою были готовы, всех порубил. И хотя некоторые, еще не желая покориться, побежали на Украину, но Лыков и тех, догнав под Кременцем на реке Луже и тут обступив их, взял на договор и привез в Москву более 2000. Где начальников их, Боловню с товарищами, перевешали, а прочих разослали в города.

ДЕЛА С ПОЛЯКАМИ

Под Смоленском воеводы стоя и видя, что осадные в Смоленске поляки и шведы, имея уже великую в запасах нужду и голод, не сдавались, надеясь на обещанную от Сапеги из Литвы помощь, и уздав, что Сапега приближается, отпустил Черкасский товарища своего князя Троекурова к границе, чтоб поставив на проходах в крепких местах остроги и поляков к Смоленску не пропустить или чтоб успеть его со всем войском, не допуская, встретить и отбить. Которое оный князь Троекуров изрядно учредил, мосты разломал, где не весьма опасно было, дороги зарубил, а в надежнейших местах, поставив остроги, довольно укрепился. Но так как тогда вкоренившееся в россиянах бесстрашие и самовольство более, нежели рассуждение о пользе общей, властвовало и всяк хотел по своей воле поступать, не желая немалый для отечества нужды и тягости понести, и из-за того обстоятельства стоящие войска по границе, вознегодовав, против воли воевод, оставив те проходы, пришли снова к Смоленску, Черкасский же, видя такой непорядок и выбрав голову Михаила Новосильцева, послал его к границе с войском, велел ему стоять в крепчайшем месте. И оный, придя на границу, не только стал в худом месте, но видя поляков со множеством людей, Сапегу пришедшего, выступив из острога в поле, хотел с ними биться. Поляки же, отъехав его от острога

и обступив, совсем побили. И хотя некоторые с ведомостью прибежали, но воеводы не могли скоро с войском исправить-ся, а Сапега, придя в Смоленск, запасы и людей в прибавку в город пропустив, сам снова в Польшу возвратился.

Того ж лета прислал король польский на Украину полковника Лисовского с 4000 войска. Который, придя, Брянск осадил, и, долгое время доставая, ничего не учинив, с потерей немалого числа людей отступил, и, придя, Карачев взял, а воеводу князя Юрия Шаховского сослал в Польшу к королю, а сам стал в Карачеве, посылая уезды разорять. Царь же Михаил Федорович послал против его боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского да с ним воеводу Степана Исленьева и дьяка Седова Заборовского, которые, придя в Белев, остановились. И тут пришли к нему остальные воровские казаки с повинною, и боярин, приведши их ко кресту, взял с собою в поход и пошел к Карачеву. Но Лисовский, уздав о приходе Пожарского, Карачев сжег и пошел верхнею дорогою к Орлу, а Пожарский, уздав оное, пошел наскоро туда же, и пришли в день недельный в один час поутру. Перед боярином шел в ертауле Иван Гаврилов сын Пушкин и, опередив, вступил с поляками в бой. Воевода же Исленьев и дьяк Заборовский, слыша бой, убоявшись, со всеми их людьми побежали. А Пожарский остался с малыми людьми с 600 человек, не ведая, что прочие ушли, думая, что оные подоспеют, наступил на Лисовского крепко, который тогда имел более 2000. Но после долгого боя, усмотрев себя от товарища

выданным, отступил за обоз и усталился телегами.

Многие же дворяне, приходя, его просили, чтоб боярин пошел прочь. Но он сказал: «Лучше мне с честью умереть, нежели бежать». На сем бою многих поляков побили и 30 человек шляхты в полон взяли. И Пожарский на том месте ночевал, а Лисовский уступил 2 версты, не взяв ни одного русского в полон. Исленьев, уедава, что боярин стоит в обозе, собравшись с уходцами, ночью пришел в обоз, и многие беглецы собрались. Поутру Пожарский снова пошел на Лисовского, но он ушел и стал у Кром, а оттуда в одни сутки поспел к Волхову 150 верст. В Волхове же воевода Стефан Иванович Волынский, имея довольную осторожность, к городу его не допустил, и Лисовский пошел к Белеву. И воеводы князь Михаил Долгорукий да Петр Бунаков, оставив город, ушли, и Лисовский, видя оный пустым, совсем сжег и пошел к Лихвину. Где воевода Федор Стрешнев, выйдя с малыми людьми, великим мужеством Лисовского отбил, и он, оставив Лихвин, пошел к Перемышлю, из которого все люди выбежали в Калугу, и Лисовский тут остановился. И как Пожарский уедал, что Лисовский стал, послал немедленно в Калугу голов с сотнями, а Лисовский, уедава оное, ушел к Лихвину. И потому Пожарский нигде его догнать не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.